

Смертельная тень отчаяния нависла над ними, неся с собой уготованную погибель.

Фэн Цихэн содрогнулся от пронизывающего холода, его взгляд шарил по крошечной тьме. Он ощущал себя одинокой сардиной, затерянной в пучине; давящая тьма почти лишала его возможности дышать.

— Что... это такое? — с трудом сглотнул он, ощущая всем существом гнет, подобный Дамоклову мечу, занесенному прямо над его макушкой.

Там было не пусто. Тьма казалась разверстой пастью гигантской кровожадной акулы, а чувство беспомощности и невозможности пошевелиться, словно у той самой сардины, возникало от близости острых зубов и окружавшей со всех сторон пасти, заслонявшей весь обзор.

У него родилась безумная, переворачивающая все представления догадка.

Бездна представляла собой огромную разинутую пасть, но сама она была лишь гигантским чудовищем, куда более грандиозным, чем сама бездна. Оно поджидало неосторожную добычу, словно венерина мухоловка, а выдыхаемый им ледяной воздух сковывал движения жертв, поджидая, пока они коснутся дна, чтобы захлопнуть пасть и погрузить все в нынешнюю тьму.

Это прекрасно соответствовало названию Разлом, а заодно и бредовым фантазиям человека перед лицом смерти.

— Черт, черт, черт, черт, черт! Если погибнуть здесь, у меня даже времени не останется на то, чтобы открыть свиток воскрешения! — Раскаты грома заглушали голос Фэн Цихэна. — Если рухнет сверху — от нас останется лишь мокрое место, ни одна смертная плоть этого не выдержит!

Он изо всех сил волок потерявшую сознание Нидхегг. Соблазнительные ноги женщины в этот момент стали тяжелой ношей, а в горле уже застревали готовые вырваться рыдания. Он рухнул на землю, судорожно ухватившись за парящую платформу, чтобы приподняться. Свет первородного камня вонзился ему в глаза, и весь мир вокруг затуманился.

Сдавайся... Тебе не уйти.

— А-а-а-а! Вечно ты одно и то же повторяешь! — Фэн Цихэн вцепился пальцами в обшивку механизма. — Хватит говорить! Если бы не твоя болтовня, я бы давно уже сбежал. Это же не приукрашенный сериал, к чему эти слезливые речи, хочешь выжать из меня слезу? В мире взрослых нужно знать негласные правила: разве сказать «нет» не значит «спасите меня, я еще не хочу умирать, моя чудесная молодость только началась, и я еще не сполна наслаждался жизнью с бифштексами, суперкарами и красивыми девчонками; погибнуть здесь — значит оскорбить мою привлекательную и лихую внешность»?

Фэн Цихэн изо всех сил толкнул Нидхегг, «забросив» ее на парящую платформу, и раскаты грома грянули вновь.

— Опять вырубилась? Эй, ну нельзя же быть настолько самовлюбленной! Я серьезно жалею, что ввязался в твою авантюру, еще не поздно сдать билет? — Он всматривался в безмятежное лицо спящей Нидхегг. Покрывавшие ее тело страшные раны трудно было назвать красивыми, но в глубине души он находил эту женщину потрясающе притягательной — то ли потому, что она и впрямь была невероятно, ошеломляюще прекрасна, то ли потому, что она бесцеремонно ворвалась в его хаотичную жизнь, грубо перенаправив его путь, предначертанный угаснуть на закате, на совершенно другую ветвь судьбы. Во всяком случае, мир, который она являла на нечеловеческом языке, был куда более великолепен, да и сама она являла собой образ божества, жесткими и угловатыми методами навязывающего смертным новую миссию. И теперь изъяны, проступившие на идеальной оболочке божества, приближали ее к нему, делая чуточку больше похожей на... человека.

— Кхе-кхе. Это место и вправду проклято, если мы не унесем отсюда ноги, то до ледников дело даже не дойдет — нас просто раздавит падающей Пандорой. — Фэн Цихэн с тревогой косился на все новые обломки Пандоры, стремительно падающие на землю, и мысленно ругал метателей мусора с высоты за полное отсутствие совести.

Грозовые раскаты не утихали ни на секунду. На сей раз они превосходили все, доводилось ли ему слышать прежде: длившийся целую минуту грохот казался способным сокрушить небеса и землю, а пробившая пелену тумана брешь нанесла по нему сокрушительный удар.

Он запустил парящую платформу. Желтовато-черные ионные пучки контрастировали с тусклым сиянием первородного камня, создавая на редкость двусмысленную ночную атмосферу в сочетании с леденящим душу лунным светом. Выбрав направление, он рванул вперед. На взмывшей в воздух платформе Нидхегг была надежно закреплена переплетенными металлическими лентами, а спереди пара гибких металлических ремней обвивала его собственный пояс, увлекая за собой. Из-за этого Фэн Цихэн чувствовал себя впряженным в жернова ослом.

С неба сыпалось все больше обломков механизмов. Они измельчали: если раньше попадались относительно целые фрагменты размером с руку, то теперь изрешеченные инеем и следами гари детали хаотично, подобно бамбуковым побегам после дождя, вырастали прямо перед Фэн Цихэном, преграждая ему путь.

Споткнувшись о торчащие наподобие каменного леса обломки, Фэн Цихэн растянулся во весь рост. Поднявшись, грязный и растерянный, он поднял над головой первородный камень. В освещенном им пространстве по-прежнему царила неизменная тьма, однако неуклонно опускающийся ледяной туман в его глазах словно о чем-то предупреждал.

Гул!

Вся земля содрогалась, откуда-то издали доносились мощные тектонические сдвиги,

молчаливо изрыгая грозный рев.

Это были ледники.

Еще несколько секунд назад Фэн Цихэн не осознавал этого до конца, но последовавшие один за другим подземные толчки дали ему понять, с чем именно они столкнулись. Это была сверкающая серебром гильотина, готовящаяся оропить все кровью по приказу пробившего полночный час глашатая.

Противостоять этому было невозможно. Свирепая мощь природы уничтожала целый мир.

А дальше все стало донельзя просто: падение первой волны ледников пробудило спавшее доселе время. Громовые раскаты долго гуляли эхом, резонируя с подземным гулом, а наступающий холод служил авангардом рушащихся ледников, дюйм за дюймом пожирая остатки рассудка Фэн Цихэна.

В конце концов... все поле зрения залило волнами бескрайнего прибоя.

В голове Фэн Цихэна билась лишь одна мысль: бежать! Сейчас было не до восхищения грандиозным зрелищем небесной карающей стихии. Пока гром бушевал в небесах, а ледники размером с целый город пробивали туманную завесу, на землю падали новые, еще более чудовищные и массивные ледяные глыбы. Ему следовало думать вовсе не о том, чтобы вычислить место падения льдин, а о том, как заставить возможности своего человеческого тела преодолеть предел в 9,48 секунды на стометровке.

Сама земля под его ногами и даже на сотню метров в противоположную сторону находилась в зоне падения ледника — в зоне поражения. Стоило цельной ледяной глыбе рухнуть вниз, и от него не останется даже могилы.

Фэн Цихэн мгновенно сорвался с места. Глубоко вдохнув ледяной воздух, он прогнал его через легкие и медленно выдохнул. Установленный первородный камень мгновенно высвободил колоссальную энергию, и желтовато-черные ионные лучи вырвались фонтаном, толкая метровую в ширину и трехметровую в длину платформу и бегущего следом Фэн Цихэна сквозь изломанные, ошетилившиеся заросли.

Дрожащая земля быстро превратилась в небольшое землетрясение, и свирепый рев, словно дикий зверь, преследовал двоих крошечных, точно пылинки, людей. Все, до чего не доставал свет первородного камня, погружалось в кромешную тьму, и невидимый зверь поджидал, когда они ступят в его темные сети. Ведомый лишь интуицией, Фэн Цихэн был вынужден шагать в еще более глубокую бездну — у него не было выбора. Не желая мириться со смертью, он мог лишь изо всех сил цепляться за жалкую отсрочку, и ради этого ему оставалось только устроить марафон сквозь тьму перед тем, как их поглотит цунами из падающих ледников.

Следующие три часа Фэн Цихэн познал все прелести мучений, когда смерть кажется

предпочтительнее жизни... Первые тридцать секунд он неся на спринтерской скорости. Вибрировал не только гром в ушах — дрожала и сама картинка перед его глазами. Желтовато-черные ионные лучи изрядно облегчили ему задачу, во всяком случае, все оказалось намного легче, чем он думал. Механизм, казалось, обладал неким чувством опасности: оба сопла сместились назад, превратившись в двигатели, а изогнутый броневой щит автоматически менял форму со стороны встречного ветра, следуя по пятам за пробивающим дорогу Фэн Цихэном.

Вскоре оглушающий грох перестал до него доходить. В голове стоял сплошной гул, тяжелые удары собственного сердца отдавались во всем теле, а свет перед глазами был надломлен наступившей тьмой. Десять минут непрерывного бега заставляли верить, будто под землей и вправду бесчисленные иссохшие руки цепляются за его ноги, и каждый шаг давался так, словно он увязал в топкой грязи. Он крепко сжал губы и зажал горло рукой, смертельно боясь, что в следующее мгновение сердце выпрыгнет изо рта.

Время расплывалось. Фэн Цихэн вроде бы выбрался из ощущения вязкой топи, но тут же почувствовал, что бредет через тернистый лес: покалывание в ступнях поднималось все выше по нервам ног, вызывая непрекращающуюся мелкую дрожь. Он был уверен, что его бедра распухли и налились свинцом, и с каждым шагом ледяной туман, подобно крошечным ножам, пронзал одежду, оставляя на коже тонкие порезы. Боли он уже не чувствовал, но кровь сочилась из ран, словно яд змеи, ожидающей его неминуемой гибели...

Остальное время Фэн Цихэн предавался бессвязным мыслям — делать было решительно нечего, да и заботиться ни о чем не требовалось. Нужно было просто бежать вперед, раз за разом наблюдая одни и те же пейзажи. К грому он уже привык, ледники его больше не волновали; в худшем случае можно было просто ругнуться, упасть в приглянувшемся месте и заявить в качестве посмертной реплики: «Дело не выгорело, а путь прервался на половине», что звучало бы довольно тоскливо и уныло. Он вспомнил марафон, в котором участвовал в университете. Тогда он был просто статистом, которого студенческий совет затащил ради массовки, «для галочки». Под палящим солнцем он то бежал, то шел шагом под бесконечное стрекотание цикад, пока солнце, похожее на светящийся желток, не скрылось за горизонтом, и лишь тогда он доплелся до финиша. К тому моменту зрители уже разошлись, и оставалось только стрекотание цикад, неизменно сопровождавшее его до самого конца. Если подумать, в его непутевой двадцатидвухлетней жизни именно эти цикады и сопровождали его большую часть времени.

Ледяные иглы, словно гвозди из пистолета, вонзились ему в бедро, но боль уже утонула в онемении. Кровь, брызнувшая на землю, мгновенно замерзала. От раны пошло внезапное жжение, и Фэн Цихэн уже не мог отличить лед от пламени, точно так же, как не мог различить жизнь и смерть. Споткнувшись о застывший иней, он соскользнул и рухнул навзничь. Раскаты грома передались от земли прямо в его мозг, раскалывая разорванную землю у него за спиной, словно от удара меча. Ледник рухнул вниз, взметнув в воздух поднятый пласт почвы. Полуметровые ледяные осколки и мелькнувшие языки пламени то появлялись, то исчезали перед его затуманенным взором. Бездна Царства Великой Пустоты отразилась в его зрачках, и свет, пронзивший туманную дымку, выхватил из темноты это зловещее лицо.

Это напоминало взрыв века. Гул от падения ледников, многократно отражаясь от узких трещин, разносился в стороны, грохот сливался в единый рев на другом конце бездны, а до

слуха Фэн Цихэна он доносился так, будто прямо у его уха ревел глубокой ночью тюнингovaný мотоцикл. Голова кружилась, и из-за этого оглушающего шума собственный голос казался исчезнувшим. Какая же отвратительная жизнь, какой отвратительный мир...

Неподалеку от его ног тихонько замерцало белое свечение, соответствующее первородному камню. На глазах у изумленного юноши это сияние превратилось в ослепительно-белый свет, мгновенно рассекший тянущуюся на сотни ли «черную реку». Извилистые белые линии продержались несколько секунд, вспыхивая и переходя из белого в синий, и затмили собой ужас, несомый ледниками, став абсолютным владыкой этого мира.

Молнии продолжали меняться. Белые разряды, похожие на прожилки древесного листа, осветили всю расселину так ярко, будто настал день, а черная земля, словно забрызганная тушью бумага сюань, была пронизана яростными вспышками.

Это станет лучшими похоронами. Фэн Цихэн рухнул с высоты, улетев напрямик в сплетенную молниями паутину, но чудом остался цел и невредим. Чуть переведя дух, он тут же ощутил, как сердце пропустило удар от подступившей паники, а волна боли вновь пробила барьер онемения. Раздирающий душу крик потонул в еще более мощных раскатах грома — собственного голоса он уже не слышал.

Падая, он совершенно не мог предугадать, что творится у него под ногами, и даже приземлившись, продолжал тосковать по пронесившимся змейками белым молниям, из-за чего ледяные иглы в бедре от удара вошли еще глубже в плоть. Фэн Цихэн чувствовал, что иглы пронзили саму кость — иначе откуда бы взялся этот пронизывающий до мозга костей холод?

Свет немного потускнел. Фэн Цихэн заметил, что его собственная тень стала намного темнее. Глядя на первородный камень в руке, он подумал, что энергоснабжение парящей платформы наверняка нарушено из-за недавнего падения, к тому же сама платформа могла расколоться — ведь то столкновение не отличалось милосердием, а на платформе...

Нидхегг!

Фэн Цихэн резко развернулся, но тут же был сбит с ног накатившей волной воздуха. Взметнувшийся от падения ледника гигантский вал, смешанный с обломками льда, без предупреждения обрушился брызгами прямо ему в лицо, а истончившийся воздух в условиях низкого давления казался еще одной угрозой.

Оба задних двигателя парящей платформы были пробиты острыми ледяными копьями, зияя дырами разного размера, сквозь которые виднелась превратившаяся в месиво металлическая решетка. Одно из реактивных сопел, служивших для парения, было наглухо сковано льдом, а другое при падении врезалось с невероятной силой в торчащие из земли каменные глыбы: три слоя жестких металлических листов пробило насквозь, один полностью вышел из строя, а второй задело так, что реактивная тяга пропала. Сама основа платформы тоже не избежала участи: металлическая плита, приводившая Фэн Цихэна в такой восторг, теперь казалась израненной бурями, словно от еще одного удара она развалится на куски и превратится в

металлолом. Несколько полуметровых трещин змеями расползлись по ее поверхности, и когда он раскапывал двигатели, его пальцы коснулись сорокасантиметрового разлома — основная плата была расколота на две неравные части, причем полуметровая пластина отделила двигательный отсек от системы парения, превратившись в самостоятельный обломок.

Первородный камень, служивший для тяги, тоже исчез. Фэн Цихэн предположил, что он отлетел вместе с обломком в момент удара и затерялся при падении. Впрочем, неважно: раз двигатели не работают, наличие или отсутствие питающего их камня особого значения не имеет. Для питания оставались и другие камни, но если прикинуть: из шести двигателей-толкателей два уничтожены напрочь, один поврежден и не тянет, а еще один скован морозом и пока бесполезен... Из шести уцелела лишь половина — и это поистине счастливая случайность среди всех бед.

Он с тревожным сердцем взглянул на лежащую на платформе Нидхегг: по ее виду невозможно было понять, крепко ли она спит или уже мертва.

— И эта штука сломалась... Впрочем, ожидаемо. Только следов удара не видно, неужели молния?

Превозмогая боль во всем теле, Фэн Цихэн отломал соединенные металлические полосы, которые из-за тряпки могли пронзить тело Нидхегг. В руке они ощущались довольно тяжелыми.

После пережитых потрясений и парящая платформа, и он сам выглядели так, будто побывали в решете. Сквозь ошестинившиеся каменные глыбы, служившие ему укрытием, он всматривался в черноту пространства: не видя ничего, он верил, что там высятся причудливые громады ледников.

Падение ледников прекратилось, в воздухе затихало лишь эхо недавней волны, но даже от этого отзвука нервы Фэн Цихэна натягивались, точно струны.

Молния снова расплосовала небо, выписав ослепительно-синюю паутину над головой.

— Передохнуть точно не дадут. Судя по всему, это затишье перед бурей, и следующий ледник вполне может стать моим надгробным камнем. Место, откуда я прибежал, превратилось в сплошную ледяную дорогу, вернуться назад... невозможно. Падающие ледники случаются не один раз, и эти густые молнии, должно быть, образуются как раз после их падения. Как же им хочется прикончить меня здесь! Полезных вещей почти не осталось, вряд ли даже Пандора упадет в этом месте. Мечтать о целой парящей платформе — безумие, а простой способ починки... Ладно, сделаю все, что в моих силах, а дальше будь что будет!

Стоило ему шевельнуться, как пальцы свело от холода. Ведь когда они отправлялись в путь, стояло лето, и в Нибельунге, и в Царстве Великой Пустоты погода менялась резко, по сезонам.

Он положил первородный камень на платформу для освещения и принялся выдергивать три механические конечности, подлежащие замене или окончательному списанию. В этом деле он действовал все более ловко и уверенно: от первого испуга до нынешней слаженности прошло всего-то несколько смертоносных ледников. Эта работа, мало чем отличавшаяся от роли водопроводчика в комбинезоне на детском уровне аркады, заставляла его мысленно благодарить создателей механизмов — далеко не всякую машину можно было собирать так же просто и увлекательно, как в двухмерном платфере.

Ему даже не требовались те жалкие остатки физических знаний из головы — достаточно было приставить одну деталь к другой, и они, подобно деталям конструктора, намертво защелкивались благодаря выступам и пазам в духе Кроненберга. Пожалуй, прояви он капельку воображения, из этого можно было бы состряпать любого уродливого мутанта на забаву.

Откуда вообще берется их энергия? На досуге Фэн Цихэн бросил взгляд на продолжавший светиться первородный камень. По его приблизительным подсчетам, с момента засады в Нибельунге прошло около пяти часов, причем все это время работали энергоемкие механизмы, а защитные барьеры и боевые модули должны были поглощать уйму энергии. На их фоне долгий полет на ионной тяге казался не более расточительным, чем укусы комара. Долговечнее и дешевле? Одна батарейка вместо шести? Но никаких колец концентрации энергии он нигде не заметил.

Разлетевшиеся ледяные крошки, словно пули, вычистили пространство вокруг. Между падающим ледником и Фэн Цихэном оставалась лишь одна каменная глыба. Синяя молния, словно получив катализатор, сменилась на более устрашающую фиолетовую, распоров небесную тьму и безжалостно раздробив эту мутную пелену.

Гром внезапно затих, и в глубине бездны стало тихо донельзя — не слышно ни звука. Сердце Фэн Цихэна, привыкшее к непрерывным подземным толчкам, на мгновение пропустило удар, застряв вместе с фиолетовыми молниями где-то в горле. Он поднял взгляд на протянувшуюся по небу фиолетовую вспышку: беспорядочные разряды зафиксировали ночь на месте, и посреди этой мрачной хмари молния рассекла самый центр обзора, а тьма, словно хлынувшая из открытого шлюза вода, полилась из этого поперечного разлома.

Ниспадающий водопадом черный занавес превратил бездну в абсурдный театр, ожидающий поднятия занавеса. Зритель был всего один — единственный на весь этот мир. Замкнутая в кольцо молния под истончившийся до предела мрак медленно открыла представление.

Фэн Цихэн прищурился, разглядывая сквозь фиолетовое сияние распахнувшуюся бескрайнюю высь...

Прорвавший черную завесу и устремившийся к молниям ледник походил на закрывающую солнце тучу — он был настолько грандиозен и величественен, что целиком его охватить взглядом не удавалось. Дюйм за дюймом он врезался в его зрение, оставляя в глубине души последние вести.

Вести, равные смерти.

Последний первородный камень был установлен, и второй луч света, пробившийся сквозь черный занавес, стал для Фэн Цихэна единственным выбором, ведущим к надежде. Платформа стала чуть меньше, тяга сократилась с восьми установок до трех с половиной, а число источников энергии уменьшилось до трех... Пожалуй, это и были его последние шансы на спасение.

Глубоко вдохнув, он изо всех сил запустил механизмы платформы. Теперь ему предстояло собственным телом компенсировать нехватку двух двигателей, чтобы вырваться из уготованной могилы.

Молнии исчезли, сменившись еще более безумным громом. Если бы он не видел все это собственными глазами и не слышал собственными ушами, он, пожалуй, никогда бы не понял, насколько ярким и необычным бывает само слово жизнь. Быть может, как он и говорил на краю Нибельунга: «Если я умру завтра», — та неизбежная смерть на конце пути казалась ему неотвратимой. Раньше «завтрашняя смерть» виделась ему своего рода подарком будущего... Но теперь все изменилось. Бездна, механизмы, громы, превосходящие этот мир приключения перевернули все его представления. История сформировала настоящее и изменила будущее. Ему посчастливилось встретить интересных людей и безумные события, и нестись вперед словно отъявленный головорез — даже бродя у врат ада и варясь в земном чистилище — было куда лучше, чем сгнить и погрузиться в дряхлоту в каком-нибудь безымянном углу без мечты. Он слишком долго шел по этой линии судьбы, и, пожалуй, настало время свернуть на другую дорогу. Пусть ее конца не разглядеть, но Фэн Цихэн был уверен, что это станет незабываемым финалом — точь-в-точь как говорила та девочка на станции: он направляется...

К своему Божественному Царству.

<http://bllate.org/book/19201/1885559>